

на Раудаскридуре и нарубил там очень много лесу.

– Наверно, Бергтора замышляет хорошенько меня ограбить, – сказала Халльгерд. – Но я позабочусь о том, чтобы ему больше не пришлось рубить лес!

Мать Гуннара Раннвейг услышала это и сказала:

– Бывали у нас раньше хорошие хозяйки, но чтобы они замышляли убийство – этого не бывало.

Вот прошла ночь, и наутро Халльгерд завела разговор с Колем.

– Есть у меня для тебя работа, – сказала она и дала ему в руки оружие. – Поезжай-ка на Раудаскридур, там ты встретишь Сварта.

– Что я должен с ним сделать? – спросил он.

– Ты еще спрашиваешь, – сказала она, – злодей ты этакий! Ты должен убить его.

– Будет исполнено, – сказал он, – хоть и похоже на то, что придется мне поплатиться за эту жизнь.

– Боишься? – сказала она. – И это после всего того, что я сделала для тебя! Придется мне, видно, обратиться к кому-нибудь другому, если ты не надеешься на самого себя.

Тот взял секиру и, сильно рассерженный, сел на одного из коней Гуннара и поехал к Маркарфльоту. Там он сошел с коня и стал ждать в лесу, пока люди не кончат убирать лес и Сварт не останется один. Затем Коль бросился на Сварта и сказал:

– Не один ты ловок рубить!

И, ударив его секирой по голове, убил наповал, а затем уехал домой и рассказал об убийстве Халльгерд. Она сказала:

– Я позабочусь о том, чтобы с тобой ничего не случилось.

– Это было бы хорошо, – сказал он, – однако другое видел я во сне, перед тем как совершил убийство.

Вот поднялись люди в лес, нашли там Сварта зарубленным и унесли домой. Халльгерд послала к Гуннару на тинг человека рассказать ему об убийстве. Гуннар не стал бранить Халльгерд перед посланцем, и люди сперва не знали, доволен ли он вестью или нет. Немного погодя Гуннар встал и попросил своих людей пойти с ним. Они пошли к палатке Ньяля. Гуннар послал людей, чтобы они попросили Ньяля выйти. Ньяль тотчас же вышел, и они стали разговаривать.

Гуннар сказал:

– Я должен сообщить тебе об убийстве. Убит твой работник Сварт, а виновны в убийстве моя жена и мой надсмотрщик Коль.

Ньяль молчал, пока Гуннар не рассказал всего. Затем Ньяль сказал:

– Не надо тебе давать ей воли.

Гуннар сказал:

– Теперь рассуди нас, как сам сочтешь нужным.

Ньяль сказал:

– Туго придется тебе, если ты будешь всегда расплачиваться за поступки Халльгерд. Ведь в другой раз дело может обернуться хуже, чем сейчас со мной, да и на этот раз дело еще не улажено. Надо подумать, как бы нам с тобой уладить его по-дружески. Я думаю, что это нам удастся. Но все же оно будет для тебя тяжелым испытанием.

Ньяль согласился рассудить дело и сказал:

– Я не хочу запрашивать с тебя. Ты должен уплатить мне двенадцать эйриров серебра, и я ставлю условием нашего примирения, чтобы, если кто-нибудь из моего дома будет виновен, ты рассудил нас не строже.

Гуннар выплатил деньги сполна и затем поехал домой. Ньяль и его сыновья также вернулись домой с тинга. Увидев деньги, Бергтора сказала:

– В меру уплачено, но пусть ровно столько же будет уплачено за Коля, когда придет время.

Гуннар приехал домой с тинга и стал выговаривать Халльгерд. Она ответила, что и за людей получше не всегда платят виру.

– Конечно, – сказал Гуннар, – ты натворишь что-нибудь, а я должен за тебя улаживать.

Халльгерд все похвалялась убийством Сварта, и Бергторе это не нравилось. Однажды Ньяль отправился с сыновьями в Торольвсфелль, чтобы распорядиться там по хозяйству. В тот же день Бергтора, выйдя из дома, увидела, что едет человек на вороном коне. Человек остановился, но в дом не вошел. В руке у него было копье, а у пояса – короткий меч. Она спросила, как его зовут.

– Меня зовут Атли, – ответил тот.